18+

Алла Сенцова

Черномир: Инвентаризация



Алла Сенцова
Черномир: Инвентаризация

https://litres.ru/74958679
ISBN 9785007174923

Аннотация

У Марины — идеальный баланс в отчетности. У Игоря — штормовка и эклеры по вторникам для бывшей жены. Обычный вечер заканчивается, когда открывается старая коробка с надписью «Черномир». Они думали, что это игра. Но это — инвентаризация, где игроки — списанный товар, а цена билета — воспоминая.

По правилам бухгалтерии Ада ходят не фишки — ходят игроки. А поезд уезжает только один раз.

Мистическая история о том, что даже в бухгалтерии Черномира бывают ошибки, а за спасение нужно платить по счетам.

Содержание

Часть 1 Первый ход 5
Часть 2 Тариф за проезд 10
Часть 3. Бетон помнит 15
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Черномир: Инвентаризация

Алла Сенцова

© Алла Сенцова, 2026

ISBN 978-5-0071-7492-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1 Первый ход

Дождь бил по подоконнику ровно сорок минут. Марина считала. В бухгалтерии без счета никуда. Игорь сидел в кресле. На нем была его вечная штормовка, пахнущая костром и дешевым табаком. Год назад они развелись, но по вторникам он все равно приносил ей эклеры из старой пекарни на углу.

— Это что за коробка? — Марина кивнула на жестяную банку, которую Игорь положил на плед. Банка была тяжелой. По ржавому боку шла гравировка.

— «Черномир», — сказал Игорь. — Нашел сегодня на чердаке у дяди Коли. Он там сушил красный лук.

Марина потянула крышку. Та поддалась со скрипом. Внутри, на бархатной подкладке, лежала старая колода. От карт тянуло морозом, озоном после грозы и мокрой хвоей.

Игорь скрестил руки на груди.

— Не трогай.

Поздно. Пальцы Марины коснулись гладкой, ледяной поверхности. Свет в квартире моргнул. Раз. Два. Три.

Тишина. За окном перестал стучать дождь. Там выл ветер.

Марина медленно повернула голову. Стекло было белым. Сплошная стена снега. За окном, где еще пять секунд назад было плюс десять, бушевала февральская метель. — Игорь, — голос Марины стал очень тихим. — Мы вмерзаем в анабиоз?

— Это не голограмма, — он подошел к стеклу, прижался лбом. — Стекло ледяное. И почему—то пахнет шпалами.

Через секунду стало совершенно темно. Марина выдохнула. Пар вырвался густым облаком. На ней все тот же домашний кардиган. Игорь в штормовке. Они стояли на деревянной платформе. Неподалеку расположился странный поезд. Под ногами хрустел не снег. Шлак. Туман здесь можно было резать ножом и класть на хлеб.

Фонари. Старые чугунные столбы. Но вместо ламп в них торчали огромные, с человеческую голову, желтые тыквы. Внутри не было проводов. Только тлеющие угли. Они давали тусклый, больной свет.

Звук. Далекий, утробный гул товарняка. И тихое, сводящее с ума «тук—тук». Кто—то в темноте ритмично стучал ложкой о стенки выдолбленной тыквы.

— Тайга—Сортировочная, — прочитал Игорь на покосившейся табличке. — Марин, это очень дорогие декорации.

Марина не слушала. Она со всей силы, до побелевших костяшек, щипала себя за запястье.

— Больно? — спросил Игорь.

— Больно. Значит, не сон. Значит, это какая—то дрянь.

Она подняла глаза на последний вагон. В тамбуре стояла женщина. Лицо скрыто темной шалью. На руках она держа-

ла светящуюся тыкву с углями. Как младенца. И медленно качала. Угли пульсировали, бросая красные, живые блики на ее сухие, узловатые пальцы.

Игорь изменился в лице. Исчезла вечная ирония экскурсовода. Стерлась память о разводе, дележке телевизора и плохо поглаженных рубашках. Он сделал шаг вперед. Закрыл Марину плечом.

— Дыши, — сказал он совсем другим, жестким голосом. — Просто дыши. Не смотри ей в глаза.

Полуночница медленно подняла голову. Шаль сползла. Вместо лица под ней оказалась такая же пустая, тлеющая тьма, как в фонаре. Угли в ее тыкве вспыхнули ослепительно—ярко. Полуночница перегнулась через перила. Она была в три раза выше, чем казалось снаружи.

— Скорей, игроки, — сказала она. — Седьмой вагон пустой, а уголёчки мои не любят ждать.

Раздался скрежет. Не металла о металл. Так скрежещет само время, когда его пытаются сдать в металлолом. Двери вагонов разъехались сами. Бесшумно. В проемы потянуло ледяным сквозняком. Марина схватила Игоря за рукав. Ткань была ледяной.

— Это ролевики, — прошептала она, пытаясь найти логику. — У них квест. Сейчас выйдет ведущий и скажет, что

мы выиграли сертификат в спа

.

Полуночница начала поворачиваться в их сторону. Тыква в ее руках качнулась, рассыпая искры на гнилые доски платформы. Игорь взял Марину за руку. Пальцы у него были как лед. Он переплел их со своими.

— Похоже, нам не оставили выбора, — сказал он. — Пошли.

Они поднялись по железным ступеням. Внутри вагона пахло сырой шерстью и антоновкой. Дверь за ними закрылась. Без хлопка. С мягким, плотным, вакуумным щелчком, от которого заложило уши. За стеклом остался перрон с тыквами, плывущий назад. И тишина.

Поезд дернулся. Мимо проплыл семафор, горящий мертвым зеленым светом. Они поехали в абсолютную темноту. Поезд повёз своих пассажиров. Как везут то, что везли уже тысячу ночей.

Игра началась.

Правило первое. Обратно ничего не отменить, когда кто—то уже сделал первый ход.

Правило второе. Ходят не фишки. Ходят игроки.

Правило третье. Поезд уходит от Тайги—Сортировочная один раз.


ТАЙГА–СОРТИРОВОЧНАЯ

Часть 2 Тариф за проезд

Колеса стучали на стыках, отсчитывая ритм жизни.

Вагон оказался плацкартным. Только полки здесь были железными, сваренными из старых рельсов. В мутных окнах не отражалось ничего, кроме их собственных бледных лиц. Пахло хлоркой, нестиранными носками и чем—то еще для чего нет названия.

Игорь толкнул Марину на нижнюю полку. Сам сел напротив, загородив спиной проход. Коробку «Черномира» он спрятал под плоскую, как блин, подушку.

— Тише, — одними губами сказал он. — Слушай.

По коридору кто—то шел. Шаг был не тяжелым, а дробным, как работа печатной машинки. Тук—тук—тук. Тишина. Тук—тук—тук. В дверном проеме возник силуэт. Это был Счетовод. Китель был с костяными пуговицами вместо обычных медных. Руки заменяли счеты с костяшками из мутного желтого янтаря, а вместо головы на плечи был насажен дырокол. Из дырокола, заменявшего рот, тянуло озоном и пылью.

За ним катился столик на колесиках. На нем стоял не термос, а старый арифмометр «Феликс». Рядом, в плетеной корзине, сидели три существа. Сшитые из чековой ленты големы. У каждого на груди была приколота табличка: «Официант», «Проводник», «Уборщик». Они мелко дрожали, шур-

ша нарезанной бумагой.

Счетовод остановился. Тук—тук—тук. Он обвел вагон пустыми глазницами — просто дырками в бумаге.

— Форма 10—Б, — проскрипел он. Голос звучал так, будто рвут плотный картон. — Предъявите билеты и командировочные удостоверения.

Марина в ужасе смотрела на контролера. Игорь кашлянул.

— Простите, уважаемый. Мы, кажется, сели не на тот поезд. Понимаете, дождь, потом метель, мы немного растерялись. Билеты остались в куртке. Куртка дома.

Один из големов подкатился к пассажирам. Он протянул бумажный стаканчик, склеенный из билетов.

— Отчетный чай, — проскрипел Счетовод. — Болотная клюква. Для повышения производительности труда.

Марина взяла стаканчик. Она сделала небольшой глоток. На вкус как забродивший компот из школьной столовой.

— Мы заплатим, — сказала она, доставая из кармана кардигана кошелек. — У меня есть карта. «Мир». Бесконтактная оплата.

Счетовод медленно повернул дырокол.

— «Мир»? — проскрежетал он. — Здесь нет вашего «Мира». Здесь только Тайга. И квартальная премия.

— Может, договоримся? — Игорь подался вперед. — Мы можем отработать. Я экскурсовод. Могу составлять путевые листы.

— Путевые листы без печати недействительны, — отрезал

Счетовод. — Платить надо, игроки. Игра началась. Уголёчки мои не любят ждать.

Он щелкнул костяшками. Големы подскочили. Тот, что с табличкой «Официант», ловко выхватил из корзины дырокол поменьше.

— Значит, так, — Игорь посмотрел на Марину. В его глазах не было паники. Только холодный расчет. — У нас есть то, чего у вас нет. Истории.

— Сказки? — дырокол—Счетовод издал звук сминаемой бумаги. — Сказки не подшиваются в архив. Нужен акт списания.

— Не сказки, — Марина вдруг выпрямилась. Бухгалтер внутри нее взял верх над испуганной женщиной. — Инвентаризация.

Она открыла «Черномир». Черные карты легли на столик Счетовода. Руки едва дрожали.

— Вы когда-нибудь считали, сколько тонн угля съел ваш котел за этот век? — Марина достала из кошелька ручку. Обычную синюю гелевую ручку. — Сколько шпал сгнило? Сколько пассажиров сошли с ума от скуки? У меня есть ведомость. Я могу свести ваш баланс.

Счетовод замер. Его бумажное лицо затрещало.

— Баланс… — прошептал он. — Это больно. Это хуже ревизии.

— Зато честно, — сказал Игорь. — Мы садимся в седьмой вагон. Мы считаем твои убытки. А ты везешь нас до ко-

нечной. И не сдаешь Дикой Охоте. По рукам?

Счетовод наклонился. Его бумажное лицо оказалось прямо перед лицом Игоря.

— Хорошо, — проскрипел он. — Но цена — первая цифра. Первая цифра, которую вы насчитаете в моем поезде. Отдадите ее мне. В котел. Он не топит, он потребляет.

— По рукам, — кивнула Марина.

Она взяла карту «Сортировка». На обратной стороне проступили ржавые буквы.

— Седьмой вагон. Идите. И не открывайте окна. Там сквозняк, он выдувает из накладных номенклатурные номера.

Големы расступились. Один из них, тот, что с табличкой «Уборщик», вдруг протянул Марине смятый листок — счет за чай.

Марина опустилась на свою полку. Железо было ледяным. Она посмотрела на свои руки. На тыльной стороне ладони, прямо на венах, проступили черные, как уголь, цифры. Срок годности. Номер партии. Штрих—код. Игорь перехватил ее взгляд. Он медленно перевел глаза на свое запястье. Там тоже чернели цифры. Они больше не были просто игроками.

Девушка посмотрела в окно. Абсолютная тьма шла ровно, без просветов.

Потому что поезд уходит один раз. Потому что везет, как возил уже тысячу ночей.

Потому что дорога возможна для тех, кто смог оплатить

проезд.

Вагон качнулся. Игра делала ход.

Колеса стучали на стыках, отсчитывая ритм жизни.

Часть 3. Бетон помнит

Поезд остановился с таким звуком, будто кто—то с размаху вогнал лом в мерзлую землю. Двери разъехались. В лицо ударил запах. Не озон и не шпалы. Пахло мокрым шифером, гниющей картофельной ботвой и жженым пластиком.

Марина и Игорь вышли на насыпь. Коробка «Черномира» под курткой предательски нагрелась. Станция «Октябрьская» представляла собой бетонный короб, обвитый диким виноградом, который уже давно умер и превратился в серую паутину. Поезд за их спинами зашипел, выпустил облако пара, пахнущего мокрым бельем, и растворился в низком, свинцовом небе. Пути назад не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.